

**Священник Михаил ПОЛИКАРОВСКИЙ,
кандидат богословия, преподаватель СПДС**

ПОНЯТИЕ «НАДЕЖДА» В ПОСЛАНИЯХ АПОСТОЛА ПАВЛА

Учение о христианской надежде, включающей в себя как объект надежды, так и надежду, которая дается этим объектом с начала и до конца, является эсхатологической перспективой — надеждой, смотрящей и двигающей вперед, а поэтому и революционизирующей и преображающей настоящее. Надежда — это не один из элементов христианства, а средоточие христианской веры, в которой как таковой все построено, которое все озаряет в этом мире на заре ожидаемого нового дня. «Ибо христианская вера живет Воскресением распятого Христа»¹ и надеется на обетование Царства Небесного. Апостол Павел прямо называет Иисуса Христа *Богом надежды* (ср.: Рим. 15, 13).

Невозможно говорить о будущем, которого еще нет, и о грядущих событиях, в которых мы еще не участвовали. Форма, в которой православное богословие говорит о Царстве Христовом, не может быть фактическим утверждением, основанным на опыте, а может быть только формой утверждений надежды и обетования для будущего. «Все предикаты Христа не только говорят, кто Он был и кто Он есть, а предполагают утверждения о том, кто Он будет и что надо ожидать от Него. Все они говорят: *Христос в нас, упование славы* (ср.: Кол. 1, 27)»². Так, возвещая будущее о мире как обе-

¹ Гандри Р. Обзор Нового Завета. СПб., 2001. С. 119.

² Глубоковский Н.Н. Благовестие святого апостола Павла по его происхождению и существу. СПб., 1910. Кн. 2. С. 1164.

тование, они указывают верующим в Него как на надежду и на исключительное будущее мира. Утверждения надежды на обетование предполагают будущее. В обетованиях сокрытые грядущие события уже заявляют о себе и оказывают свое влияние на настоящее через надежду, которую они пробуждают. *Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении* (Рим. 8, 24–25).

Всюду в Новом Завете христианская надежда направлена на то, что еще невидимо, она постоянно надеется вопреки и тем обозначает видимую область настоящего опыта, как еще не преобразенную, проходящую реальность, которую надо оставить позади. Противоречие существующей реальности человека и того мира, к которому приводит человека надежда, является именно тем противоречием, из которого рождается сама эта надежда, — это противоречие между Воскресением и Крестом. Христианская надежда — это надежда на воскресение, и она доказывает свою правду в противоречии будущих перспектив, которые предполагают и гарантируют праведность в противоположность греху, жизнь в противоположность смерти, славу в противоположность страданию, мир в противоположность распрям.

Надежда — существенная характеристика христианской жизни и центральное понятие богословия апостола Павла³. В своих Посланиях, особенно в Послании к Римлянам, апостол Павел исследует основание христианской надежды, объясняя, что означает жить надеждой и что значит христианская надежда для будущего. Обетования Божии постепенно открыли для всех обращающихся ко Христу великолепие этого будущего, которое будет не реальностью мира сего, а *отечеством лучшим, то есть небесным* (ср.: Евр. 11, 16),

³ См.: Hawthorne G., Martin R. Dictionary of Paul and his Letters. Downers Grove: InterVarsity Press, 1993. P. 415.

жизнью вечной (ср.: 1 Ин. **2**, 25), в которой человек будет подобен Богу, потому что увидим Его, как Он есть (ср.: 1 Ин. **3**, 2). По слову апостолов, Господь *хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. **2**, 4), ибо и всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя так, как Он чист (1 Ин. **3**, 3).

Упование на Бога и на Его верность, вера в Его обетования дают уверенность в осуществлении ожидаемого Царства Божия (ср.: Евр. **11**, 1) и возможность предвосхищения его величия. Поэтому верующий и может желать этого будущего Царства, надеяться на него. Ибо участие в этом несомненно грядущем Царстве остается для каждого отдельного человека субъективно проблематичным, так как зависит от верной и терпеливой любви, а это требование для греховной свободы трудноисполнимо. Следовательно, верующий никак не может положиться на свои силы в достижении этого будущего Царства. Он может только надеяться на него в уповании на Бога, в Которого Он верит, ибо только Отец Небесный может дать его свободе способность любить. Только укорененная в вере и уповании надежда может раскрыться будущему и своим динамизмом вдохновлять всю жизнь верующего.

Таким образом, вера и упование, надежда и любовь представляют собой различные стороны сложной, но единой духовной установки. В еврейском языке эти различные понятия часто выражаются словами, происходящими от общих корней. Тем не менее древнееврейские корни «кавах», «ятах» и «батах» выражают преимущественно понятие «надежда». Переводчики ветхозаветных текстов на греческий язык передали их словами *ἐλπίζω, ἐλπίς, πέποιθα, ὑπομένω*, а латинские — соответственно *spero, confido, sustineo, exprocto*. Триада вера — надежда — любовь отчетливо выявилась только в Новом Завете, а именно в Посланиях апостола Павла (см.: 1 Фес. **1**, 3; 1 Кор. **13**, 13; Гал. **5**, 5).

В Посланиях апостола Павла понятие «надежда» чаще всего выражено словом ἐλπίς, которое встречается 25 раз, причем в Послании к Римлянам оно используется 13 раз. Далее следуют Первое Послание к Фессалоникийцам, Послание к Галатам и Послание к Филиппийцам. В так называемых «дефтеропавловых письмах», а именно в Посланиях к Ефесянам, Колоссянам и Титу, это слово встречается реже — 3 раза. Как правило, «надежда» употребляется в значении «спасение в надежде» (см.: Рим. 8, 24; Гал. 5, 5; Кол. 1, 5; Тит. 2, 13). Также надежда имеет смысл «ожидание» (см.: Рим. 4, 18; 1 Кор. 9, 10), причем смысл «ожидание» может быть подразумеваем в Рим 4, 18 (παρ ἐλπίδα — «против ожидания»).

В богословии в сотериологическом контексте надежда играет большую роль: надежда возвышает понятие Бога (см.: Рим. 15, 13; 1 Тим. 4, 10; 5, 5; 1 Пет. 1, 13, 21). Если говорить о субъектах надежды, то они представлены как отдельными лицами, так и целыми человеческими группами (Авраам, Симеон, Павел, коринфяне, евреи и язычники, христиане и нехристиане).

В своем единстве надежда на спасение имеет три момента: обетование будущего, доверие к нему как аспект веры и терпеливость его ожидания.

Даже если существительное ἐλπίς не содержится в Евангелиях вообще, а глагол ἐλπίζειν («надеяться») найден там только пять раз со смыслом «чтобы доверять» (см.: Мф. 12, 21; Ин. 5, 45) или с вполне светским и нерелигиозным смыслом (см.: Лк. 6, 34; 23, 8; 24, 21), идея относительно надежды понимается как доверие Богу, на совершенство и милосердие Коего мы должны полагаться и обещания Коего не могут быть ложными. Подобное всюду предполагается в Новом Завете.

В Синоптических Евангелиях понятие «надежда» передано через смысл «ожидание», которое было возведено словом Господа нашего Иисуса Христа перед лицом победоносного

достижения Царства Божиего. Богословие апостола Павла, которое строится вокруг полюсов восстановления Христова Царства и Пришествия (*παρουσία*) Спасителя, проявляется наиболее полно как разработанное богословие надежды в Первом Послании к Фессалоникийцам, в Послании к Римлянам, в Первом и Втором Посланиях к Коринфянам, в Посланиях к Галатам, к Филиппийцам, к Филимону. Эта линия продолжена с различными дополнительными нюансами в Посланиях к Евреям, Колоссянам, Ефессянам, во Втором Послании к Фессалоникийцам и в Пастырских посланиях. Наконец, хотя также испытывается недостаток слова «надежда», понятие явно передано как «терпеливая выносливость», что поддерживает богословие надежды.

В Послании к Римлянам апостол Павел прямо указывает на сверхъестественный характер надежды, обращенной к Богу: *мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда: ибо если кто видит, то чего ему и надеяться?* (Рим. 8, 24).

Элемент доверия как свойства надежды выделяется апостолом Павлом там, где надежда по своему значению близко стоит к вере: *если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков* (1 Кор. 15, 19; ср.: 2 Кор. 1, 10; 3, 12; Флп. 1, 20).

Тот факт, что верующий направляет свои помышления на то, что вне его, выражается среди прочего в том, что вера есть в то же время надежда. Вера не есть некое замкнутое в себе чувство в душе человека, но направлена в будущее: *праведный верою жив будет* (Гал. 3, 11; Рим. 1, 17). *Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним* (Рим. 6, 8; ср.: 1 Фес. 4, 14). *Потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению* (Рим. 10, 10).

Праведность, будучи целью веры, не есть некое присущее человеку качество, но есть его отношение к Богу. Если она приобрела актуальную направленность, то ее современ-

ность — не временное, то есть преходящее, состояние. Напротив, ее современность эсхатологическая, она всегда стоит перед верующим, уже оправданным, как все еще будущая. Поэтому апостол Павел может написать наряду с обращением к христианам в Рим. 5, 1: *Итак, оправданные верою* — и к Гал. 5, 5: *а мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры*. И поэтому в Рим. 10, 9 праведность корреспондирует со спасением: *Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься*. Конечно, верующие уже называются *спасаемыми* (см.: 1 Кор. 1, 18; 2 Кор. 2, 15). И все же утверждается: *Ибо мы спасены в надежде* (Рим. 8, 24).

Эта надежда есть свобода и открытость для будущего, ибо верующий в своем послушании Богу всю заботу о самом себе и тем самым о своем будущем предоставил все также Богу. Грех неверия состоит именно в том, что неверие желает жить из самого себя и берет на себя заботу о своем будущем, в безумии полагая, что может им распоряжаться. Естественно, и у неверующего есть какие-то надежды, и *не имеющие надежды* (1 Фес. 4, 13) так или иначе тоже живут надеждами⁴. Но это не истинные надежды, и заботящийся сам о себе человек фактически живет в страхе, замыкаясь от будущего, которое недоступно его распоряжению. Этого страха у верующего больше нет, ибо он в вере удалил от себя всякую заботу о себе самом. Он надеется там, где по человеческим меркам надеяться не на что, по примеру Авраама, который *сверх надежды, поверил с надеждою* (Рим. 4, 18). Так он живет в истинной надежде, которая *не постыжает* (Рим. 5, 5). Она обнаруживает и проявляет себя в терпеливом ожидании (Рим. 8, 25), в *терпении*, для которого характерно *хвалиться скорбями* (ср.: Рим. 5, 3). Верующие — в надежде радостные,

⁴ См.: Лопухин А.В. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Т. X. СПб., 1912. С. 348–349.

в беде стойкие (см.: Рим. **12**, 12). Как любовь, так и надежда составляют единство с верою (см.: 1 Кор. **13**, 13). Вместе с делом веры и с трудом любви стойкость надежды — *терпение упования* (1 Фес. **1**, 3, ср.: **5**, 8) составляет единое целое христианского бытия. И когда Павел молится о совершенстве христиан, он молится так: *Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира в вере, дабы вы, силою Духа Святаго, обогатились надеждою* (Рим. **15**, 13).

Терпение как свойство надежды подчеркивается апостолом Павлом там, где надежда выплавляется из скорби, которой апостол «хвалится», зная, что *от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда* (Рим. **5**, 3–4). Когда христиане переживают скорби, тогда они в своей личной жизни обнаруживают спасительное терпение, ибо им всегда в тяжелых обстоятельствах помогает Господь (см.: 2 Тим. **1**, 8; Евр. **2**, 18)⁵. Так как в терпении, совершаемом в христианских условиях, подается всегда вспомоществующая сила Божия, тем самым объясняется христианская выносливость в терпении. Кто терпит, тот не остается в пассивном состоянии, но старается преодолеть все препятствия, которые встречаются ему на пути.

Там, где терпение стоит рядом с надеждой, оно может иметь и самостоятельное значение как качество, способствующее устойчивому сохранению надежды: *чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду* (Рим. **15**, 4). В приведенных словах замечательна еще и та особенность, что терпение пополняется для ясности мысли словом «утешение», а оба значения вместе, будучи приложимыми к «надежде», сообщают ей новый оттенок. Укажем еще на один пример: «*терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа — такова надежда в Послании к Фессалоникийцам (1 Фес. **1**, 3)*»⁶.

⁵ См.: Гумилевский И., *свящ.* Учение святого апостола Павла о душевном и духовном человеке. Сергиев Посад, 1913. С. 162.

⁶ *Стотт Дж.* Послания к Фессалоникийцам. СПб., 1997. С. 26–28.

«Надежда Церкви — есть надежда, исполненная в вере»⁷. Дарование Святого Духа завершило исполнение обетований (см.: Деян. 2, 33, 39). Поэтому вся сила надежды Церкви сосредотачивается на ожидании возвращения Господа нашего Иисуса Христа (см.: Деян. 1, 11; 3, 20). Называемое *пришествием* (Иак. 5, 8; 1 Фес. 2, 19), *днем Господним, посещением, откровением*, — это будущее представляется совсем близким (см.: Иак. 5, 8; 1 Фес. 4, 13; Евр. 10, 25, 37; 1 Пет. 4, 7), так что даже удивлялись его замедлению (см.: 2 Пет. 3, 8). В действительности оно придет, *как тать ночью* (1 Фес. 5, 1; 2 Пет. 3, 10; Откр. 3, 3; Мф. 24, 36). Эта неопределенность требует бодрствования (см.: 1 Фес. 5, 6; 1 Пет. 5, 8) с непоколебимым терпением в испытаниях и страдании (см.: Иак. 5, 7; 1 Фес. 1, 4; 1 Пет. 1, 5; Лк. 21, 19).

Надежда Церкви радостна (см.: Рим. 12, 12) даже в страдании (см.: 1 Пет. 4, 13; Мф. 5, 11), ибо слава так велика (см.: 2 Кор. 4, 17), что ее отблеск распространяется на настоящее (см.: 1 Пет. 1, 8). Она порождает трезвость (см.: 1 Пет. 4, 7; 1 Фес. 5, 8) и отрешенность (см.: 1 Кор. 7, 29; 1 Пет. 1, 13; Тит. 2, 12): что такое земные блага по сравнению с надеждой стать *причастниками Божеского естества* (2 Пет. 1, 4). Питаемая молитвой и братской любовью в настоящем (см.: 1 Пет. 4, 7; Иак. 5, 8) и в то же время уже утвержденная в мире грядущем (см.: Евр. 6, 18), она одушевляет всю христианскую жизнь.

Надежда, как духовная и нравственная потребность человека полагаться на что-либо лучшее (исполнение своих желаний, чаяний), для крестившегося во Христа становится необходимостью, выраженной в Новом Завете в заповеди совершать молитвы (см.: 1 Фес. 5, 17) *в надежде вечной жизни, которую обещал неизменный в слове Бог прежде вековых времен* (Тит. 1, 2).

⁷ Словарь библейского богословия / Под ред. К.Л. Дюфура. Пер. с фр. М., 1998. С. 617–619.

Необходимость надежды христианина покоится на самом факте крещения во Христа, совершаемого по вере в Него, что дает возможность сказать, что надежда основывается на вере и без веры она мертва. Необходимость христианской надежды — это следствие устремленности верующей души к Богу: *всё, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков, зная, что в воздаяние от Господа получите наследие* (Кол. **3**, 23–24). *Будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом* (1 Кор. **15**, 58). Воистину надежда необходима в деле спасения, поскольку надеющийся уже самим актом надежды очищает себя, готовясь принять обещанное Богом (см.: 1 Ин. **3**, 3). Освящающая благодать, обретенная верой в Господа Иисуса Христа, дает основание христианам хвалиться *надеждою славы Божией. И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам* (Рим. **5**, 2–5).

Пребывание в благодати как результат обоживающего действия Святого Духа является основанием достойных, богоугодных поступков и дел. Добродетели, ниспосланные христианину как дары Святого Духа, сообщают природным, естественным добродетелям главный смысл — искание Царства Небесного⁸. Доступ к благодати открывается всякому человеку, крестившемуся во Христа. Через приобщение к смерти Христа крестившийся приобщается и к Его Воскресению, дабы, подобно Его Воскресению *из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни* (Рим. **6**, 4). В крещении христианин обретает благодатное покровительство Господа: *Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью* (Рим. **6**, 14).

⁸ См.: Симон Ф. Психология апостола Павла. М., 1907. С. 81–83.